

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342; 347; 349; 342.9; 34.03; 340.130.5; 340.14.
DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325

Всё более усложняющаяся сложность права

М.В. Дегтярев

Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: mvdegtzarev@adm.khv.ru

Аннотация. Настоящая статья есть часть разрабатываемой автором научной юридической доктрины инновационных публично-правовых режимов. В работе исследуются теоретические подходы к осмыслению феномена сложности права и сложности в праве. Рассмотрен ряд существующих подходов к объяснению сложности в праве – вследствие специфики природы права. Автор доказывает, что сложность и простота в праве – амбивалентны (двойственны) и взаимосвязаны, что это не полярно противостоящие понятия, они находятся в определённом сложном онтологическом единстве. Автор обращается к вопросу о пределах упрощения права. Рассмотрены детерминанты роста усложнённости и повышения энтропийности в праве. Статья завершается-развернутым авторским концептом аксиоматического ядра понимания и толкования сложности в праве и в регуляторном пространстве. Сделан вывод о том, что юридическая наука – это объективно наука о сложности, о сложных нормативных, нормореализационных и арбитражных мирах и онтологиях, процессах, взаимодействиях и противодействиях.

Ключевые слова: сложность в праве, процесс усложнения, инновационные публично-правовые режимы, нетипичные регуляторные технологии, публичное право, публично-правовые науки

Для цитирования: Дегтярев М.В. 2023. Всё более усложняющаяся сложность права. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(2): 317–325. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325

The Increasing Complexity of the Law

Mikhail V. Degtyarev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
9 Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow 123995, Russia
E-mail: mvdegtzarev@adm.khv.ru

Abstract. This article is part of the scientific legal doctrine of innovative public-law regimes developed by the author. The article explores theoretical approaches to understanding the phenomenon of legal complexity and complexity in law. The article considers a number of existing approaches to the explanation of complexity in law – due to the specific nature of law. The author proves that complexity and simplicity in law are ambivalent (dual) and interrelated. Complexity and simplicity in law are not polar opposing concepts, they are in a certain complex ontological unity. The author turns to the question of the limits of simplification of law. The article considers the determinants of the growth of complexity and increasing entropy in law. The article concludes with the conclusion that the author's unfolded concepts of the axiomatic kernel of understanding and interpretation of complexity in law and in the regulatory space. The author also concludes that legal science is, objectively, a science of complexity, of complex normative, norm-realization and arbitration worlds and ontologies, processes, interactions and counteractions.

Keywords: complexity in law, process of complexification, innovative public law regimes, atypical regulatory technologies, public law, public law sciences

For citation: Degtyarev M.V. 2023. The Increasing Complexity of the Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 317–325 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325

Введение

Сложные явления, сложные системы, сложные процессы и отношения распространены повсеместно в правовом поле. Но сложность – это не обязательно запутанность, хотя и предполагает определённую сплетённость, связанность.

Научно-технологический прогресс идёт параллельно и взаимосвязанно с ростом сложности, можно обоснованно говорить о тенденциях и процессах «комплексификации» (франц. *complexification*), то есть объективно обусловленного усложнения. И именно этот аспект правовой реальности детерминирует необходимость дискуссий и проектных стремлений в правовой инноватике. Сложность и есть весомая и существенно значимая предпосылка к перманентной инновационализации права. Проблема уже избыточной и всё усложняемой сложности регуляторных пространств, безнадёжные сложность, запутанность, неясность, непредсказуемость, дезупорядоченность в праве стали давно уже притчей во языцех.

«Принято говорить, – пишет Даниэль Бурсье [Bourcier, 2011, p. 37], – что закон становится все более сложным. Учреждения, которые его регулируют, пытались воздействовать на причины этого явления и пресечь его последствия. Но откуда берётся это ощущение критического увеличения нормативной сложности?»

«Право, концептуализированное как структурированная наука, весьма привлекательно и востребовано во времена потрясений и растущей сложности, – писал Роберт Фелдмен. – Притягательность науки всегда привлекала представителей юридической профессии. Её “песня сирены” предлагает “мелодию совершенства” и обещание наделять право уважением и почётом со стороны общества, которых мы так жаждем. Мы постоянно надеемся, что наука спасёт нас от дискомфорта, связанного с принятием сложных правовых решений, и постоянно разочаровываемся. Мощная притягательность науки отчасти проистекает из нашей неудовлетворённости несовершенством права. Когда у нас в ушах звучит юридическая теория XX века, возникает искушение рассматривать право как безнадёжное предприятие, искажённое предубеждениями, затруднённое неумелостью и загромождённое противоречиями... Наши постоянные попытки найти лучшее право с помощью науки не способны разрешить разочарования в праве, но они создают искажения в правовой сфере. Когда правовая система полагается на науку при разработке своих правил, этим правилам не хватает гибкости и ловкости, необходимых для эффективного участия в процессе эволюции права... История взаимодействия права и науки изобилует примерами, когда право пытается решить свои проблемы с помощью науки и впоследствии разочаровывается... Прежде чем нас захлестнёт последняя версия “как наука решит все проблемы права”, стоит задуматься о наших прошлых неудачах в этой сфере» [Feldman R., 2009, p. 55, xi, 1].

Юридическая наука сегодня не дает исчерпывающих ответов на вопросы о детерминантах чрезмерной сложности права (франц. *complexité du Droit*; англ. *complexity of Law*), роста усложнённости и повышения энтропийности в праве. Нет и исчерпывающих описаний этой проблемы. Процесс усложнения права, регуляторного пространства носит нелинейный характер и слабо-прогнозируем.

Этим вопросам и посвящён настоящий материал.

Степень исследованности обсуждаемого тематического поля

Темой сложности в праве (с позиций обоснования необходимости инноватики в праве) занималось немало правоведов, однако всё это было, скорее, собраниями размышлений и даже весьма сильных идей, но не представляло собой должного синтеза, всеохватного, системного и фундаментального взгляда.

Среди авторов, касавшихся этой проблемы, можно отметить Бенуа Мандельброта [Mandelbrot, 1995], Ксавье Лагарда [Lagarde, 2003], Эдгара Морэна [Morin, 1985; Morin, 1991], Питера Шака [Schuck, 1992], Даниэля Бурсье [Bourcier, 2011], Жан-Пьера Дюпюи [Dupuy, 1981; Dupuy, 1985], Луизу Шаретт [Charrette, 2007], Мишеля ван де Керхове [Kerchove, 2010], Яна Агила [Aguila, 2008.], Ахилла Вайнберга [Weinberg, 1995], И.В. Понкина [Понкин, Лаптева, 2022].

Понимание и толкование сложности в праве

Регулирование занимает центральное место в государственном управлении сложными системами, систематически используется правительствами для повышения эффективности рынка, обеспечения подотчётности участников и поддержки координации различных видов деятельности. Однако, если регулирование разработано или применяется неэффективно, оно может привести к значительным потерям, наложить ненужное финансовое бремя и затормозить инновации. Появляющиеся технологии ставят под сомнение способность правительств регулировать происходящие в промышленности изменения. С одной стороны, существует необходимость минимизировать или устранить технологический риск. С другой стороны, есть желание оптимизировать потенциальные преимущества новых технологий. Как следствие, правительства перешли от традиционного регулирования «установи и забудь» к итеративным и ориентированным на пользователя методам проектирования, включая экспериментальное регулирование (создание прототипов и тестирование) и регулирование на основе результатов. Этот новый подход к гибкому управлению изменил процесс разработки политики и способствовал технологическому прогрессу, предоставив множество возможностей для создания новых инструментов регулирования и совершенствования процесса регулирования (RegTech). Целью RegTech является определение приоритетов и повышение эффективности регулирования и управления при одновременном снижении затрат на обеспечение соответствия с помощью современных технологий. Остаётся вопрос: как наилучшим образом внедрить новые трансформационные приложения RegTech – перейти от статичного к динамичному регулированию – и при этом сохранить верность основным целям регулирования и управления [Regulatory..., 2022, p. 3–4].

Но нетипичные (новейшие, инновационные) регуляторные технологии (RegTech), призванные «упрощать», в действительности, как бы это ни выглядело парадоксально, онтологически сложны и имеют самое непосредственное отношение к производству сложности. Как говорят, история про RegTech – это история никак не про простое, а как раз про сложное.

Сложность может быть объективно обусловлена, как строение автомобиля, компьютера, космического корабля, атомной электростанции – всё это очень сложные вещи, но в этих случаях сложность не есть искусственное усложнение, тем более усложнение чрезмерное и неосновательное.

Сложность придаёт системе права определённый облик, дизайн, устойчивость.

Как писал Ксавье Лагард, вопрос: «Почему право настолько сложно?» – нередко адресуется не столько к сложности (в классическом понимании), сколько к запутанности, дезупорядоченности. Но следует понимать, что ложным является утверждение, что если вопрос о проблеме неизбежен, то эта проблема нерешаема, непреодолима [Lagarde, 2003]. Согласно Эдгару Морэну, метод сложности требует от нас мышления, никогда не закрывая рамки понятий, восстанавливая связи между тем, что расчленено [Morin, 1991].

Питер Шак рассматривает и истолковывает правовую систему как сложную в той степени, в которой её нормативные установления, процессы, институты и поддерживающая их культура обладают четырьмя характеристиками:

– **плотность** (англ. *density*): «уплотнённые нормативные установления многочисленны и всеобъемлющи, занимают значительную часть соответствующего пространства политики и стремятся контролировать широкий спектр поведения, что приводит к тому, что они часто сталкиваются и вступают в конфликт со своей основной политикой»;

– **техничность** (англ. *technicality*): «технические правила требуют особой сложности или опыта от тех, кто хочет их понять и применить; техничность – это функция тонкости различий в нормативных установлениях, специализированной терминологии, которую они используют, и утончённых суждений по существу»;

– **дифференцированность** (англ. *differentiation*): «правовая система институционально дифференцирована в той мере, в какой она содержит ряд структур для принятия решений, опирающихся на различные источники легитимности»;

– **недетерминированность** или **непредопределённость** (англ. *indeterminacy* или *uncertainty*): «непредопределённость является свойством как нормативных установлений, так и правовых процессов и институтов. Неопределённые правила, процессы и институты обычно имеют открытую текстуру, гибкость, многофакторность и изменчивость. Общеизвестный стандарт разумности в деликтном праве является примером неопределённого правила. Зависящие от разнообразных сочетаний фактов и политики, непредопределённые нормы, как правило, требуют больших затрат при применении, а их результаты часто трудно предсказать. Отношение непредопределённости к сложности права само по себе является сложным. Как ни странно, правила и институты, призванные уменьшить неопределённость права, на самом деле могут её увеличить, благодаря кумулятивному эффекту их плотности, техничности и дифференциации» [Schuck, 1992, p. 3–5].

По Даниэлю Бурсье, сложность правовых систем (а сложный системный подход к праву позволяет обнаруживать и артикулировать часто неожиданные аспекты этой сложности) имеет четыре источника:

1) самоорганизация высоко-взаимосвязанной текстовой системы;

2) сложное для восприятия (запутанное) прочтение текстов для пользователя права – гражданина, принимающего решение лица, судьи) (закон всегда продуцировал управленческие решения через нормативные установления для пользователя закона, но сложность, связанная с юридическим письмом, связана с общей программой подготовки, в которой доминирует «одержимость» линейным описанием мира и концепцией языка, основанной на фикции ясного и уникального значения);

3) требуемое нормативное разнообразие – для учёта и отображения сложного мира («необходимое разнообразие» затруднительно или невозможно контролировать, если не изменять уровень детализации, на котором осуществляет регуляторное вмешательство закон; закон больше не может полагаться исключительно на парадигму простых законов для регулирования универсума);

4) ограниченная предсказуемость эффектов регуляторного воздействия (перспективные модели могут быть построены путём анализа эмерджентных или сетевых явлений) [Bourcier, 2011].

Амбивалентность

и сложное онтологическое единство сложности и простоты в праве

Сложность и простота в праве – амбивалентны (двойственны) и взаимосвязаны. Это не полярно противостоящие понятия, они находятся в определённом сложном онтологическом единстве.

Жан-Пьер Дюпюи на фундаментальном уровне пишет о простоте сложности [Dupuy, 1981; 1985]. О сложности онтологического упрощения говорилось в работах Эдгара Морэна [Morin, 1985, p. 356], И.В. Понкина [Понкин, Лаптева, 2022, с. 271–293, 355–360, 690–691].

По Даниэлю Бурсье, тема сложности стала междисциплинарной темой – некоторые говорят, что это новая парадигма, которая, в зависимости от рассматриваемых дисциплин, находится на перекрестке нескольких парадоксов. Юридические науки по-разному связаны с этой темой. Действительно, либо сложность отрицательна и является частью бесконечной программы упрощения с неопределённой эффективностью, либо сложность, неизбежная, становится ресурсом, который новые модели должны уметь обрабатывать и анализировать. Следует исходить из того, что закон обычно сложен и что эта сложность должна поддерживаться, управляться и использоваться адекватными моделями [Bourcier, 2011].

Согласно Луизе Шаретт, «управление сложностью – это не причуда. Глобализация и конкуренция погружают нас в сложность... Сложность подобна ткани, состоящей из различных элементов, образующих единое целое, которое нельзя разбить. Это целое существует благодаря взаимодействию различных элементов. Термин "сложный" часто смешивают с запутанным, неясным. Сложное можно разбить на разные систематические шаги и в конце концов понять, как приборную панель в кабине авиационного судна Боинг. Неясность подразумевает, что у нас нет всех необходимых данных... Сложность – это порядок, кода которого мы пока ещё не знаем. Сложность означает множество элементов, очень часто разнородных и чьё единство не сразу ясно для мышления, что может вызвать трудности в понимании анализа... Сложность следует понимать как состояние, достигаемое эволюционирующей системой. Наблюдатель, созерцающий сложную систему, увидит в ней богатство, разнообразие и глубину; с другой стороны, форма системы будет задана организующим принципом. Этот принцип покажется удивительно простым. С запутанностью можно справиться, только если нам удастся разобраться в ней» [Charrette, 2007].

Об упрощении права

Сложность онтологии права (по природе своей) вместе с тем не оправдывает неизбежность и произвольность дальнейших её усложнений, ибо последствия таких неконтролируемых процессов далеко не нейтральны и не безобидны.

Переусердствование в упрощении права может причинить (и неминуемо причинит) вред публично-правовому порядку и публичному порядку в целом.

Представление о вселенной, задуманной как часовой механизм, противоположно более реальному представлению о живой системе, более нестабильной и непредсказуемой, но также и более открытой и творческой, со своими моментами стабилизации, обратными связями (иногда положительными и иногда отрицательными), со своими моментами дестабилизации и явлениями возникновения, со своими точками бифуркации и неравными полюсами развития. И говоря о сложности, следует иметь в виду «эмерджентные структуры», то есть системы, обладающие уникальной способностью спонтанно переходить из состояния дисперсии в состояние организованности, упорядоченности. А потому размышления о сложности – это новая парадигма в процессе регуляторного строительства [Weinberg, 1995].

Согласно Мишелю ван де Керхове, стремление к упрощению права также может привести к противоречивым результатам. Простоты, по крайней мере абсолютной, не существует, таковая никогда не существовала и никогда не будет существовать. Существуют пределы любой попытки упростить закон, связанные с идеей сложности, по природе своей эти пределы бывают трёх различных типов. Прежде всего они связаны с неточным и множественным характером самой операции. Затем они связаны с трудностями, даже возмож-

ными противоречиями, присущими осуществлению процесса. Наконец, они связаны с характером правового явления и языковыми и социально-политическими ограничениями, которым оно подчинено. Напоминание о таких пределах, очевидно, не делает бесполезными любые формы упрощения закона. Более того, его нельзя понимать как призыв к некоей необузданной и постоянно усложняющейся форме правового феномена. Достаточно избегать упрощенной и упрощенческой риторики, и следует признавать (иногда неизбежный, иногда полезный и даже необходимый) объективный характер сложности в праве [Kerchov, 2010].

Детерминанты роста усложненности и повышения энтропийности в праве

Причины роста усложненности и повышения энтропийности в праве коренятся в самой природе права, имея выраженную объективную составляющую.

Ян Агила пишет: «Закон остаётся сложным. Неизбежно, неизбежно сложным... Сложность закона – это всего лишь зеркальное отражение сложности нашего общества. Таким образом, закон становится всё более многочисленным, мобильным и нестабильным. Юристы, будь то судьи или адвокаты, проводят значительную часть своего времени, распутывая паутину правил и прецедентного права, как внутреннего (национального), так и международного. Любая норма, даже законодательная, становится спорной, если аргументированно представлена перед судьёй. Юрист постоянно находится в поиске правового предписания. Но в действительности именно юрист создаёт правовой порядок: правовая система не предстаёт спонтанно в виде простого и последовательного набора норм. Точно так же, как он рационализирует факты, юрист упорядочивает нормативные установления. Кроме того, территория права обширна: судья или адвокат часто обнаруживает в ходе рассмотрения дела новый нормативный акт, малоиспользуемые тексты или доселе неизвестные постановления. Затем судье или адвокату предстоит расчистить эти неисследованные земли, чтобы проложить себе путь» [Aguila, 2008, p. 1].

Соответственно, сложность в праве и регуляторном пространстве является неотъемлемым следствием предельности уровня, за которым обуславливаемое упрощением права искажение моделирующего отражения реальной действительности станет критическим, приводя к дефектности права.

Кроме того, сложность в праве и регуляторном пространстве является неотъемлемым следствием принципиальной невозможности достижения идеальной и полной упорядоченности общественных отношений даже столь мощнейшим к такому упорядочению средством, как право (возможна лишь определённая аппроксимация, некоторая размерность приближенности к искомой предельно достижимой «полноте»).

Иллюстративно для отражения этого концепта как нельзя лучше подходят слова Бенуа Мандельброта о том, что между царствами неконтролируемого беспорядка и чрезмерного порядка есть зона фрактального порядка [Mandelbrot, 1995, p. 10].

Причины недостатков законов (в части их запутанности, неясности) могут быть и совершенно субъективными. Например, исторически сложилось так, что законодательство рассматривается как относительно простой инструмент влияния на политические дебаты внутри и вне парламента. Оно может быть «валютой» в переговорах о создании альянсов и достижении консенсуса, а также системой, ограничивающей свободу действий будущих администраций. Незаконодательные подходы часто требуют длительных переговоров с внешними заинтересованными сторонами и не всегда гарантируют немедленную уверенность в результате. Они также не имеют демократического одобрения, которое подразумевает законодательство. Изложение целей политики в законодательстве (тенденция, появившаяся

за последние десятилетия) может быть «недорогим способом для правительств создать видимость энергичных действий» и способом стратегического влияния (или ограничения) на принятие решений будущими правительствами. Более того, кажется, что в законодательстве существует асимметрия: принятие закона обычно считается более эффективным подходом, чем незаконодательные варианты, и исторически сложилось так, что принять закон легче, чем отменить его. Законодательство воспринимается как знак действия, поэтому оно является мощным инструментом коммуникации [When Laws Become Too Complex, 2013, p. 7–8]. И потому много больше искушений задействовать его в качестве инструмента политического влияния, отсюда и немалая дельта прироста запутанности, избыточной сложности и неясности законодательства.

Сложность законов может быть обусловлена рассогласованием лексики и мышления экономистов и юристов. Юристы призваны осуществить «перевод на юридический язык» запросов, ожиданий, требований экономистов, излагаемых в специфической модальности мышления, не всегда легко впрямую стыкуемой с мышлением юристов. Эта проблема, в частности, была отражена в судебном решении Апелляционного суда первого округа США (федерального суда апелляционной инстанции США) от 29.12.1983 по делу «Корпорация Барри Райт против Корпорации Айтити Гриннелл»¹ (пункт 234).

Но указанные субъективные составляющие (дельты прироста) в сложности в праве являются лишь производными от объективных детерминаций сложности в праве и регуляторном пространстве.

Заключение

Внедрение инновационных регуляторных технологий (RegTech) невозможно без дальнейшего переосмысления регуляторной среды. Независимо от применяемых технологий, регулирование не должно оставаться статичным упражнением по установке флажков. Ушёл в прошлое детерминистский подход к регулированию, когда правительства спрашивают только о том, что может пойти не так и каковы будут последствия. Вместо этого необходим вероятностный, основанный на результатах подход, учитывающий развитие новых экономических или социальных сценариев, новых технологий и новых бизнес-моделей, чтобы обеспечить будущее регулирования и применяемых технологий. Успех RegTech и гибкого управления зависят друг от друга, и часто не существует «лучшего» или «окончательного» решения. RegTech необходим для стандартизации, автоматизации и рационализации процесса регулирования в поддержку гибкости. Гибкое управление обеспечивает разработку и внедрение регулирования таким образом, чтобы максимально использовать потенциал RegTech.

Первым шагом на пути к внедрению является признание того, что сочетание RegTech и гибкого управления не требует изменения или переписывания всей нормативной базы. Для начала этого пути необходимо привести более постепенный и итеративный экспериментальный образ мышления [Regulatory Technology for the 21st Century, 2022, p. 22].

Согласно нашему авторскому подходу, аксиоматическим ядром понимания и толкования сложности в праве и регуляторном пространстве являются следующие взаимосвязанные концепты:

1) концепт объективно-обусловленной детерминированности сложности в праве сложностью нормативно-упорядочиваемой, реактивно или проактивно регулируемой и нормативно-обеспечиваемой предметно-объектной области;

2) концепт детерминированности сложности в праве предельностью уровня, за которым обуславливаемое упрощением права искажение моделирующего отражения реальной

¹ Barry Wright Corp. v. ITT Grinnell Corp. / United States Court of Appeals, First Circuit, Dec 29, 1983, 724 F.2d 227 [Судебное решение Апелляционного суда первого округа США от 29.12.1983 по делу «Корпорация Барри Райт против Корпорации Айтити Гриннелл»] // <<https://casetext.com/case/barry-wright-corp-v-itt-grinnell-corp>>.

действительности станет критическим, приводя к дефектности, неадекватности правового регулирования;

3) концепт детерминированности сложности в праве принципиальной невозможностью достижения идеальной и полной упорядоченности общественных отношений даже столь мощнейшим к такому упорядочению средством, как право;

4) концепт сложного онтологического единства и амбивалентности сложности и простоты в праве.

Соответственно, юридическая наука – это объективно наука о сложности, о сложных нормативных, нормореализационных и арбитражных мирах и онтологиях, процессах, взаимодействиях и противодействиях.

Онтология сложности в сфере права детерминирует инновационные возможности юридической науки развиваться, переосмысливать по-новому «старые» сферы и оперативно осваивать новые, переходить с поверхностных уровней на глубокие, конструктивно и позитивно прогрессировать в этом. А потому «священная борьба со сложностью» в праве лишена оснований и смысла, речь должна идти о тщательно просчитанной и сбалансированной аллевиации (редуцировании остроты проблемы) избыточной сложности в праве.

References

- Ponkin I.V., Lapteva A.I. 2022. Metodologija nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki: Uchebnik [Methodology of Scientific Research and Practical Analytics: A Textbook]. Moscow, Buki Vedi. 754 p. (in Russian).
- Aguila Y. 2008. La complexité du droit. Lettre "Recherche Droit & Justice", 30.
- Bourcier D. 2011. Sciences juridiques et complexité. Un nouveau modèle d'analyse. *Droit et Cultures*, 61: 37–53.
- Charette L. 2007. La gestion de la complexité. Ordre des CRHA. 31 octobre.
- Dupuy J.-P. 1981. La simplicité de la complexité. *Esprit. Nouvelle série*, 57(9): 126–147.
- Dupuy J.-P. 1985. Ordres et désordres: Enquête sur un nouveau paradigme. Paris: Seuil. 277 p.
- Feldman R. 2009. The Role of Science in Law. New York: Oxford University Press. xii; 222 p.
- Kerchove, van de M. 2010. Rien n'est simple, tout se complique. La complexité, limite à la simplification du droit. Qu'en est-il de la simplification du Droit? Actes du colloque des 26 et 27 octobre 2009 / Frédérique Rueda et Jacqueline Pousson-Petit (dir.). Toulouse: Presses de l'Université Toulouse 1 Capitole. 359 p.
- Lagarde X. 2003. Pourquoi le droit est-il complexe? *Le Débat*, 127: 132–142.
- Mandelbrot B. 1995. Les objets fractals: Forme, hasard et dimension. Quatrième édition. Paris: Flammarion. iv; 212 p.
- Morin E. 1985. La méthode. T. 2: La vie de la vie. Paris: Seuil. 470 p.
- Morin E. 1991. La méthode. T. 4: Les idées, leur habitat, leur vie, leurs mœurs, leur organisation. Paris: Seuil. 261 p.
- Regulatory Technology for the 21st Century. 2022 Whitepaper. World Economic Forum; Global Future Council on Agile Governance. Geneva (Switzerland). 24 p.
- Schuck P.H. 1992. Legal Complexity: Some Causes, Consequences, and Cures. *Duke Law Journal*, 42(1): 1–52.
- Weinberg A. 1995. Les jeux de l'ordre et du désordre. *Sciences Humaines*, 47.
- When Laws Become Too Complex. 2013. A review into the causes of complex legislation. London: Office of the Parliamentary Counsel. 33 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дегтярев Михаил Владимирович, кандидат юридических наук, докторант кафедры административного права и процесса, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия
Web of Science Researcher ID AAS-5312-2021

 [ORCID: 0000-0003-0409-369X](https://orcid.org/0000-0003-0409-369X)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Degtyarev, Candidate of Legal Sciences, postdoctoral of the department of administrative law and process Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Web of Science Researcher ID AAS-5312-2021

 [ORCID: 0000-0003-0409-369X](https://orcid.org/0000-0003-0409-369X)